

RELEVANT TOPIC

UDC 93/94

Rehabilitating Nicholas II

Sergei A. Nefedov

Ural Federal University, Russian Federation
Dr. (History), Professor
E-mail: hist1@ya.ru

Abstract. The article is dedicated to analysing the causes of the February Revolution of 1917. It considers two different interpretations of the revolutionary events. One presents the revolution as a result of a conspiracy by the opposition and a result of the incompetence of the government of Nicholas II, which was not able to properly react to the situation at hand. The other interpretation proposes to evaluate the revolution in terms of Neo-Malthusianism, according to which the crisis was caused by long-term economic processes that did not depend on the will of the people.

Keywords: Nicholas II; Russian Revolution; Revolution of 1917; February Revolution; Revolution of 1905; the level of consumption; demographic growth; Neo-Malthusianism; peasant land scarcity; anthropometric data; peasant revolts.

Введение. В последние годы в российской историографии возобновились споры о том, была ли революция 1917 года обусловлена причинами, не зависящими от воли людей, или же это был результат заговоров оппозиции и некомпетентности правительства Николая II. В новой интерпретации российской истории революция представляется как результат развернутой либералами «PR-компания» и организованного А.И. Гучковым заговора. Утверждается, что, вопреки общераспространенному мнению, уровень потребления в России был достаточным и притом имел тенденцию к росту, таким образом, объективных предпосылок для революции не существовало и произошедшее было «трагической случайностью» [1].

По существу, авторы этой концепции повторяют старые тезисы зарубежной русистики о том, что февральская революция произошла вследствие ошибок властей, их неумения управлять страной [2]. Эти тезисы восходят к известной статье В.А. Маклакова, который изобразил Николая II в виде сумасшедшего шофера на горной дороге: «Оттого ли, что он ослеп и не видит, что он ослаб и не соображает, из профессионального самолюбия или упрямства, но он цепко ухватился за руль и никого не пускает» [3].

Мы постараемся далее показать, каковы конкретные ошибки авторов этой интерпретации, и представить альтернативную точку зрения, в соответствии с которой судьба Российской империи определялась не заговорами и некомпетентностью, а фундаментальными экономическими законами.

Материалы и методы. Помимо опубликованных материалов, источниками для написания данной статьи стали документы из фондов Российского государственного исторического архива. Работа построена на использовании неомальтузианской методологии, предполагающей изучение зависимости экономических процессов от динамики численности населения.

Обсуждение. Когда говорят об основных экономических законах, то обычно имеют в виду законы, описывающие динамику населения, потребления, цен и ренты. В то время как судьбы отдельных людей сложны и непредсказуемы, движение основных экономических параметров выражается простыми закономерностями, открытыми некогда Мальтусом и Рикардо. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено средствами существования». В условиях ограниченности ресурсов плодородных земель рост населения приводит к нехватке продовольствия, к росту цен и ренты, к падению потребления до минимально возможного уровня. Вслед за фазой экономического роста наступает фаза, которую экономисты называют Сжатием. В фазе Сжатия экономические процессы становятся неустойчивыми. Крестьяне не имеют стабилизирующих запасов зерна, поэтому любой неурожай приводит к голоду. В условиях низкого потребления постепенно накапливается массовое народное недовольство, которое может роковым образом проявить себя в случае войны или каких-либо политических осложнений [4]. Рано или поздно случайные во времени, но сами по себе неизбежные воздействия, такие, как неурожай и войны, выводят систему из неустойчивого равновесия. Начинается экосоциальный кризис: голод, восстания, войны, эпидемии приводят к демографической катастрофе. Революция и диктатура, по мысли Мальтуса, являются естественными следствиями кризиса: «До сих пор сущность и действие закона народонаселения не были поняты, – писал Мальтус. – Когда политическое недовольство присоединяется к воплям, вызванным голодом, когда революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания, то следует ожидать постоянных кровопролитий и насилий, которые могут быть остановлены лишь безусловным деспотизмом» [5]. В конечном счете катастрофа приводит к сокращению численности населения, крестьянское малоземелье уходит в прошлое, потребление возрастает и вновь начинается рост населения. Исторический процесс развивается в циклическом ритме, эти циклы принято называть «демографическими» или «вековыми» [6].

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (Ж.Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской [7]. В 1930-х годах Вильгельмом Абелем и Майклом Постановом было доказано существование мальтузианских циклов в реальной истории [8]. В дальнейшем большую роль в разработке неомальтузианской теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню [9]. Было доказано, что на протяжении XII–XIX веков в Европе имели место три вековых цикла. Каждый цикл заканчивался катастрофическим кризисом, сопровождавшимся крушением могущественных государств и гибелью монархов. Второй цикл ознаменовался английской революцией и казнью Карла I, третий цикл – французской революцией и гибелью Людовика XVI. «Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен...», – писал Фернан Бродель. – В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...» [10].

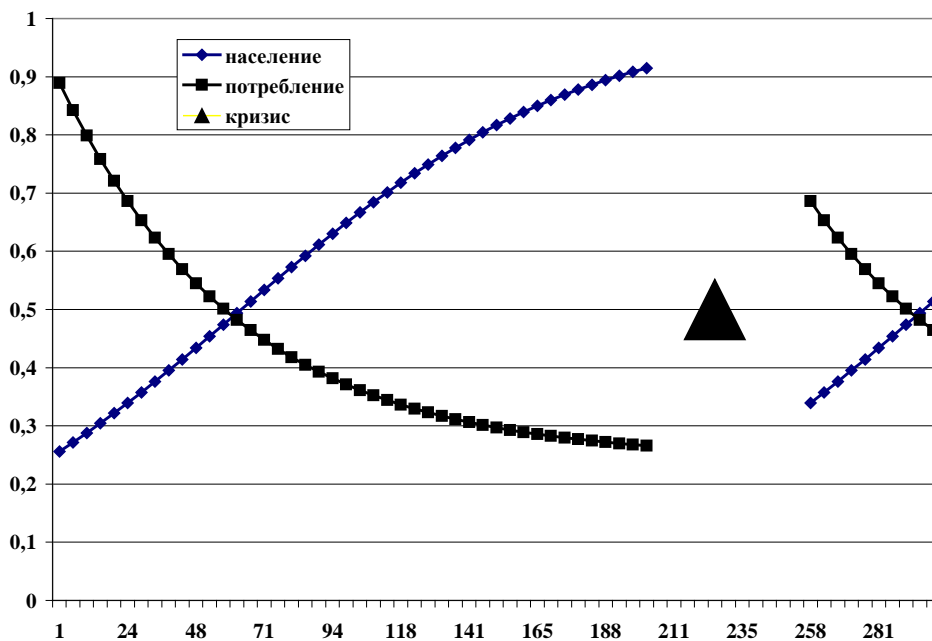

Рис. 1. Схематическое изображение демографического цикла: «мальтузианские ножницы» – население растет, потребление падает

Это краткое введение в неомальтузианскую теорию, конечно, не претендует на полноту, но оно позволяет понять, что судьба императорской России была predeterminedена и лишь немногим отличалась от судьбы других аграрных империй.

Демографический цикл Романовых начался с периода восстановления после Великой Смуты – тяжелого экосоциального кризиса, завершившего предыдущий цикл Рюриковичей. Демографическая катастрофа привела к гибели примерно половины населения, города лежали в развалинах, повсюду виднелись пепелища деревень. «Вотчины монастырские все до основания разорены, – писали монахи Иосифо-Волоколамского монастыря, – и крестьянишка с женами и детьми посечены, а достальные в полон повыведены... все пусто, стоит лес да небо» [11].

Но вместе с тем изобилие земли и пашен обусловило высокий уровень жизни тех, кому удалось выжить. Много повидавший Юрий Крижанич писал, что на Руси «крестьянам... живется намного лучше, нежели во многих местах Греческой, Испанской и других подобных земель, в которых кое-где мясо, а кое-где рыба слишком дороги, а дрова продаются на вес... Ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо и нигде не имеют таких прав, как здесь» [12]. В XVII веке простой чернорабочий на дневной заработок мог купить 10–12 кг хлеба или 4 кг мяса, хотя, разумеется, и в то время случались войны и неурожаи, когда потребление уменьшалось [13].

На протяжении XVIII века динамика потребления определялась действием противоположных факторов: с одной стороны, увеличение населения в центральных районах вело к нехватке пашен, с другой – происходил частичный отток населения на Черноземье, и хлеб с колонизируемых земель поступал в Центральный регион. Как это обычно бывает в условиях Сжатия и малоземелья, крестьяне центральных областей стали подрабатывать ремеслом, чтобы на вырученные деньги покупать черноземный хлеб. Правда, для XVIII века у нас нет непосредственных данных о потреблении: они появляются только в XIX веке. Статистические данные показывают, что в середине XIX века душевое потребление в России упало до голодной черты и затем балансировало вокруг нее в зависимости от хороших или плохих урожаев, постоянно грозя сорваться в кризис (рис. 2).

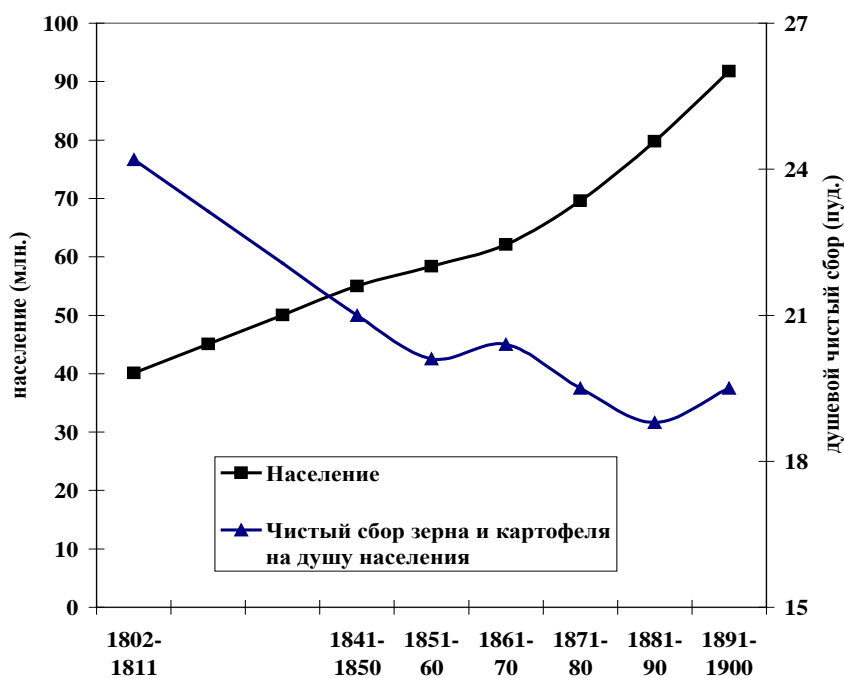

Рис. 2. «Мальтузианские ножницы» в России. Численность населения и уровень потребления (душевой чистый сбор за вычетом экспорта) в Европейской России [14]

Авторы новой интерпретации, о которой говорилось выше, конечно, знакомы с официальными статистическими данными, свидетельствующими о падении потребления. Но они отказывают этим данным в доверии: их основным аргументом является то обстоятельство, что в неурожайные годы вывоз зерна из некоторых губерний превосходил урожай в этих губерниях [15]. Однако недавно найденные в архивах документы говорят о том, что в неурожайные годы вывозился по большей части урожай прошлого, урожайного года [16], таким образом, мы не имеем оснований сомневаться в данных официальной статистики.

Другим аргументом упомянутых авторов являются антропометрические данные, которые, согласно подсчетам Б.Н. Миронова, говорят об увеличении роста призывников в 1874–1913 годах. Принято считать, что увеличение роста является свидетельством повышения уровня жизни. Однако, как показал архивный поиск, в этих подсчетах была допущена ошибка: Б.Н. Миронов считал методику фиксации роста в призывных документах неизменной, в то время как она изменялась, и эти изменения порождали иллюзию увеличения роста [17].

Таким образом, построения Б.Н. Миронова и М.А. Давыдова не выдерживают «очной ставки» с архивными материалами. Но вернемся к описанию экономической эволюции России: как она представляется в официальных статистических материалах и свидетельствах современников.

В 1850-х годах потребление снизилось настолько, что уровень жизни времен Екатерины II воспринимался орловскими крестьянами как «золотой век». «Старики со слезами вспоминают золотой век, когда предки их жили без нужды и без горя, – писал священник из села Ольшаницы. – Денег было мало, и они были почти не нужны. Продавая за 3 алтына меру пшеницы за 300 или 400 верст, они клали алтыны в горшки. Из алтынов составлялись у них сотни рублей. Кто имел 100 рублей, считался богачем беспримерным. “Не наживи, – говаривали, – 100 рублей, а имей 100 друзей”. Пчеловодство, множество хлеба и скота позволяли варить для себя мед, пиво, водку и делали стариков роскошными без всякого ущерба для их состояния. “Поглядел бы, – говорили они, – на тогдашние праздники. То-то ли бы было! Бывало, выставят на стол меду кисейного, пресного, перегонного, пива, а вина-то – хоть залейся!”» [18].

Во второй половине XIX столетия уже никто не вспоминал о «золотом веке». Современники не ссылались на Мальтуса и на экономические теории, но все они говорили об увеличении населения, о дроблении земельных наделов и нарастающем крестьянском

малоземелье. Впрочем, в отличие от центральных губерний, на окраинах крестьяне не бедствовали: если в Тамбовской губернии средний крестьянский надел составлял 7 дес., то в Пермской губернии – 15,8 дес., а в Оренбургской губернии – 28,8 дес. [19]. Однако социально-экономическое развитие страны определяли густонаселенные центрально-черноземные губернии, где регулярно повторялись голодные годы. В 1889 году началась четырехлетняя засуха, кульминацией которой стал Великий голод 1891–1892 годов. Историки по-разному оценивают число жертв голода, по новым подсчетам излишняя смертность за четыре года составила более одного миллиона человек [20].

Угрожающие тенденции экономического развития проявлялись с предельной ясностью, и предсказания грядущего кризиса можно найти в работах многих известных экономистов. «Россия стремится по наклонной плоскости к ужасному экономическому кризису», – писал в 1910 году Г.Ф. Нефедов [21]. «...Малоземелье развивалось... органически вследствие естественного прироста..., – отмечал в 1914 году Н.П. Огановский. – Малоземелье росло, ширилось, росло оскудение, накоплялось всеобщее недовольство, и когда правительство спохватилось..., – было уже поздно...» [22]. Тезис об аграрном перенаселении был общим местом в работах ведущих экономистов дореволюционного периода. Б.Н. Миронов отмечает, что «на рубеже XIX–XX вв. мальтузианский тезис получил поддержку большинства авторитетных исследователей того времени: И.И. Игнатович [23], А. А. Кауфмана [24], П.И. Лященко [25], Н.М. Покровского [26], Н.Н. Рожкова [27], А. Финн-Енотаевского [28] и других..., что отразила энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [29]» [30].

Мог ли Николай II уйти от судьбы Людовика XVI? Знал ли царь о масштабах нависшей над империей угрозы? Царь знал: среди его министров были мудрые государственные деятели, которые хорошо понимали суть событий.

Одним из первых, кто увидел надвигающуюся опасность еще до того, как она стала предметом обсуждения экономистов, был министр финансов Н.Х. Бунге. В 1880 г. он писал в докладной записке Александру II: «Когда население возросло, отведенная земля оказалась недостаточной для прокормления крестьян и для доставки им средств в уплате налогов и выкупных платежей. Когда же к этому присоединились неурожай..., тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях стало бедственным...» [31].

Другой министр финансов, С.Ю. Витте, говорил на совещании в присутствии Николая II: «Если сравнить потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу населения составляет четвертую или пятую часть того, что в других странах считается необходимым для обычного существования» [32].

Сменивший Витте на посту министра В.Н. Коковцов говорил то же самое: «Оскудение центра России стало несомненным фактом, и, постепенно распространяясь, оно захватывает все больший и больший район» [33].

В конце 90-х годов проблема «оскудения Центра» была признана официально, она стала объектом рассмотрения специально созданных совещаний: «Особого совещания» под председательством А.И. Звегинцева, «Комиссии 1901 года», «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» [34]. «Комиссия 1901 года» проделала огромную работу по сбору и обработке статистических сведений, результатом которой стал известный статистический сборник, служащий ценным источником для характеристики социально-экономического развития России [35]. Выводы комиссии сводились к тому, что главной причиной «оскудения» является аграрное перенаселение. Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн, а процент излишних рабочих к наличному числу их составлял 52 %. Особенно высоким этот процент был в Центрально-Черноземном районе, где он составлял от 64 до 67 % [36].

«...Из материалов этого сельскохозяйственного совещания всякий исследователь увидит, что в умах всех деятелей провинции того времени, т.е. 1903–1904 гг., бродила мысль о необходимости для предотвращения бедствий революции сделать некоторые реформы..., – писал С.Ю. Витте. – Все революции происходят от того, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности» [37]. В препроводительной записке к журналам Совещания Витте сообщал царю, что сложившийся порядок держится только на долготерпении крестьянства и оно слишком долго подвергается перенапряжению [38].

В 1905 году крестьянские восстания охватили всю Центральную Россию. Чтобы погасить восстания, С.Ю. Витте предлагал на основе выкупа передать крестьянам половину

помещичьей земли. Но П.А. Столыпин доказывал, что это бесполезно, что темпы роста населения в России превышают темпы роста в других государствах и настолько велики, что если даже отдать крестьянам всю землю, то и тогда едва ли можно было бы удовлетворить земельный голод [39].

Тем не менее П.А. Столыпин полностью сознавал нависшую угрозу. Отвечая в Думе на речи марксистов о бедственном положении деревни, он говорил: «Я охотно соглашусь... с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса...» [40].

Николай II не решился последовать совету С.Ю. Витте, но проводимые реформы должны были помочь народу. Император глубоко переживал за народ, в одном из указов он писал, что во время поездки по России видел «печальную картину народной немощи, семейной нищеты и заброшенности хозяйств» [41]. Николай II был всегда готов продемонстрировать свою близость к народу. Особенно показательны в этом контексте торжества по поводу канонизации св. Серафима в Сарове, когда царя встречала 150-тысячная толпа крестьян, выражавшая ему любовь и преданность. Как отмечают исследователи, после Сарова Николай II стал часто употреблять выражение «царь и народ», подчеркивая свое единение с народными массами [42].

Николай II и П.А. Столыпин делали ставку на модернизацию российского сельского хозяйства: пример Западной Европы показывал, что имелась возможность к существенному увеличению урожайности с помощью использования новой агротехники. Реформа Столыпина представляла собой попытку уйти от судьбы – той судьбы, которую предсказывал Мальтус. Промышленная революция увеличила «средства существования», которые ограничивают численность населения: промышленные страны стали в огромных количествах импортировать продовольствие в обмен на продукты питания. Другим важным фактором стало улучшение агротехники, и в частности широкое применение минеральных удобрений. Когда в 1960-х годах мальтузианский кризис охватил многие страны Третьего мира, минеральные удобрения и «зеленая революция» помогли этим странам избежать катастрофы, и проводимые тогда реформы были во многом близки реформам Столыпина.

Но для введения новой агротехники требовалось время, «двадцать лет покоя». По расчетам Л.С. Дякина требовалось даже не 20, а 50 лет [43] (как это было в Германии). Более того, когда в советское время началось введение клеверных посевов, на которые так надеялся Столыпин, то оказалось, что в засушливом климате черноземной полосы они не дают существенного роста урожайности [44]. Что касается минеральных удобрений, то в те времена они были дороги и применялись лишь в нескольких странах с развитой химической промышленностью и относительно небольшими посевными площадями. Решающим условием повышения продуктивности хозяйства до европейского уровня было резкое увеличение капиталовложений. Между тем в 1913 году капиталовложения в расчете на 1 десятину пашни в России были в 3,6 раза меньше, чем в Германии [45]. Естественно, что это отставание было невозможно преодолеть за десять или двадцать лет. «Практически, столыпинская реформа не могла решить поставленных задач, потому что было уже поздно», – подчеркивает В.П. Данилов (выделено В.П. Даниловым – С. Н.) [46].

Хотя после 1907 года крестьянские восстания затихли, внутреннее брожение продолжалось. Уровень волнений в 1907–1913 годах оставался намного более высоким, чем до революции. Причем он не зависел от «PR-компаний», проводимых оппозицией. О.Г. Буховец приводит статистические данные об эффективности агитации в Белоруссии в 1907–1914 годах. В соответствии с этими данными, крестьянские выступления имели место в 14 из 131 селения, в которых проводилась агитация, и в 924 селениях, в которых агитация не проводилась. Таким образом, крестьянские выступления практически не зависели от интенсивности партийной пропаганды [47]. «Складно говорившие» агитаторы рассматривались крестьянами как чужаки, даже если они говорили об увеличении крестьянских наделов!», – отмечает О.Г. Буховец [48].

Между тем приближалось начало Первой мировой войны. «Среди историков существует мнение, – отмечает Э. Хобсбаум, – о том, что Россия... могла бы продолжать поступательное и эволюционное движение в сторону процветающего либерального общества, если бы это движение не было прервано революцией, которой, в свою очередь, можно было бы избежать, если бы не Первая мировая война. Ни одна из возможных перспектив развития не удивила бы современников больше, чем эта. Если и существовало

государство, в котором революция считалась не только желательной, но и неизбежной, так это империя царей» [49].

В рамках неомальтузианской концепции война, наряду с большими неурожаями, рассматривается как одна из «неизбежных случайностей», которые рано или поздно провоцируют давно назревающий экосоциальный кризис. До появления ядерного оружия войны между великими державами были неотъемлемой частью исторического процесса. Специфика российской ситуации заключалась не в том, что большая война началась в неподходящий момент, а в том, что она почему-то запаздывала. Временные промежутки между большими войнами с участием России в XVI – первой половине XIX века в среднем составляли лишь 16 лет, а между окончанием Крымской и началом Первой мировой войны прошло 58 лет. Русское правительство сознавало неготовность страны и армии к большой войне и часто шло на значительные дипломатические уступки. Эта осторожная политика позволяла балансировать у голодной черты и отдалять кризис. Но даже малая война где-то на Дальнем Востоке спровоцировала революцию 1905 года. А между тем большая война неотвратимо приближалась: как указывает Э. Хобсбаум, в 1910-х годах неизбежность войны воспринималась уже как неоспоримый факт [50].

Вступление в большую войну должно было вызвать новый кризис. В марте 1914 года член Государственного Совета П.Н. Дурново представил Николаю II записку, в которой в деталях предсказал ход будущей революции. Если война окажется для России победоносной, то все будет хорошо, писал Дурново. «Но в случае неудачи социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и всеобщий раздел всех ценностей и имущества. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению» [51].

Любопытно, что примерно то же развитие событий предсказывали германский посол в России Фридрих фон Пурталес и эксперты германского Генштаба [52].

В условиях недостатка средств правительство было вынуждено покрывать военные расходы печатанием бумажных денег. Это вызвало резкий рост цен, прежде всего на хлеб. Не доверяя бумажному рублю, производители отказывались поставлять зерно на рынок, в городах стала ощущаться нехватка хлеба и начались голодные бунты.

30 октября 1916 года директор Департамента полиции А.Т. Васильев представил Николаю II доклад, суммирующий донесения из губерний. В докладе говорилось, что во всех без исключения донесениях главной причиной «озлобления масс» называется «чудовищно растущая дороговизна». Указывалось, что в Москве и Петрограде «оппозиционность настроений» намного превосходит уровень 1905 года, и что если обстоятельства не изменятся, то в обоих городах «могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера» [53].

«Революция носилась в воздухе, – писал английский посол Д. Бьюкенен, – и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу... Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком хлеба, могло вспыхнуть ежеминутно» [54]. В.С. Измозик, проанализировав массовый материал перлюстрации полицией частных писем, делает вывод, что «господствующим в политически активных слоях общества было действительно ожидание близкого краха» [55]. Председатель Думы М.В. Родзянко писал 26 декабря: «Мы накануне таких событий, которых... еще не переживала святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата» [56].

Видел ли Николай II нарастающую угрозу? Царь все видел и понимал. «Наряду с военными делами меня все более волнует вечный вопрос о продовольствии, – писал Николай II императрице 20 сентября 1916 года. – Сегодня Алексеев дал мне письмо, полученное им от милейшего кн. Оболенского, председателя комитета по продовольствию. Он открыто признается, что они ничем не могут облегчить положения... (выделено царем

– С.Н.), цены все растут, и народ начинает голодать. Ясно, к чему может привести страну такое положение дел» [57].

Думская оппозиция воспользовалась тяжелой ситуацией, чтобы потребовать от царя создания «министерства доверия». Но императрица призывала Николая II проявить твердость. «Кто против нас? – говорила она. – Группа аристократов, играющих в бридж, сплетничающих и ничего в государственных делах не понимающих. Русский народ любит государя, любит меня, любит нашу семью, он не хочет никаких перемен» [58].

Со времен поездки в Саров Николай и Александра были уверены в любви простого народа, и они отвечали ему любовью, которая теперь может показаться наивной. Императрица работала простой сестрой в госпитале и перевязывала раненых, которые часто не знали, что сказать, и только плакали от умиления. Николай II всю войну провел в поездках по фронтовым частям, обнимал воинов-храбрецов, поизносил трогательные речи и раздавал награды. Его приветствовали с восторгом, и бывали случаи, когда целые полки бежали за его автомобилем, клянясь государю в верности [59]. «Одно из его убеждений, оставшихся с ним до конца, – отмечала Э. Каррер д'Анкросс, – состояло в том, что самодержец должен представлять истинную Россию, то есть Россию крестьянина, к которой он питает настоящую симпатию и которая, как он уверен, платит ему за это чувством верности...» [60].

Пытаясь предотвратить надвигающуюся катастрофу, Николай II использовал последний шанс: в тайне от союзников он попытался начать переговоры о мире. 11 февраля 1917 года Австрия и Германия получили личное обращение императора, который указывал на то, что «требование массами мира растет с каждым днем» и «за невнимание к этому требованию правительства могут дорого заплатить» [61]. Австрийский министр иностранных дел О. Чернин расценивал это обращение «как последнюю попытку спастись» [62].

Но германский Генштаб отверг условия Николая II, не без основания надеясь на давно ожидавшуюся русскую революцию [63]. Все возможные средства спасти страну были использованы, и никто не знал, что еще можно предпринять. Один из думских лидеров, В.В. Шульгин, передает в своих мемуарах настроения тех дней: «У меня было смутное ощущение, что грозное – близко. А эти попытки отбить это огромное были жалки... Бессилие людей, людей, меня окружавших, и свое собственное бессилие в первый раз заглянуло мне в глаза, и был этот взгляд презрителен и страшен» [64].

Это бессилие проявилось, в частности, в безуспешных заговорщических попытках оппозиции. Пытаясь упредить народное восстание, группа заговорщиков во главе с А.И. Гучковым работала над подготовкой военного переворота, и С.В. Куликов пытался доказать, что этот замысел был в какой-то мере реализован [65]. Однако оказалось, что и в этом случае выводы сторонников «новой интерпретации» были основаны на неверном прочтении источника [66]. В действительности вербовка офицеров оказалась нелегким делом: «Гучков не нашел среди офицеров людей, соглашавшихся идти на цареубийство», – свидетельствует жандармский генерал А.И. Спиридович [67]. Впоследствии сам Гучков признавал, что революция стала результатом не «какого-то умного и хитрого заговора», а «стихийных исторических сил» [68].

«Стихийные исторические силы» – это были неумолимые экономические законы, которые в новом контексте становились законами истории. Мальтузианское проклятие продолжало действовать: крестьяне по-прежнему страдали от малоземелья и мечтали поделить земли помещиков. Во время войны они получили оружие, Петроградский гарнизон насчитывал 200 тысяч солдат, большинство из них были мобилизованными крестьянами. 1 марта их должны были отправить на фронт, но они не хотели воевать за власть, которая не дает им землю. Во время голодного бунта в октябре 1916 года один из полков Петроградского гарнизона присоединился к бунтующим рабочим, но это первое восстание удалось подавить. Однако восстания солдат-крестьян продолжались: осенью вспыхнули бунты на тыловых распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге, а в декабре волнения охватили части трех корпусов Северного фронта [69].

Крестьянская армия выходила из подчинения командования, и любой толчок извне мог привести к бунту. Французский посол Морис Палеолог докладывал своему правительству, что Россия находится накануне революции, что в октябре посланные на расправу с рабочими полки уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию [70].

Все случилось так, как предсказывал Палеолог: после того, как 26 февраля солдатам приказали стрелять в требующих хлеба петербургских рабочих, они отказались повиноваться своим командирам. Современные историки согласны во мнении, что солдатский бунт сыграл решающую роль в революции [71]. Впечатление от яростного бунта огромной массы солдат было таково, что уцелевшие офицеры в ужасе разбежались и попрятались. «Развитие бунта говорит о том, что ничего нельзя было сделать, чтобы его остановить», – констатирует Р. Пайпс [72].

Председатель Думы Родзянко рассказывал неделю спустя, что восставшие солдаты были на самом деле, «конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе – “земли и воли!”...» [73]. 28 февраля у солдат появились первые, наспех изготовленные плакаты, и на них было написано: «Земля и воля!» [74]. 1–2 марта по всему городу проходили митинги, и главное требование солдат выражалось все тем же лозунгом: «Земля и воля!» [75]. Когда две недели спустя происходил первый парад революционного Петроградского гарнизона, Палеолог внимательно читал лозунги, которые несли солдаты на своих знаменах – почти на всех знаменах были надписи: «Земля и воля!», «Земля народу!» [76].

Таким образом, это был не солдатский бунт, а крестьянское восстание. «Бунт бывших крестьян, вооруженных на свою голову самодержавием, во многом определил ход и самый дух последующей советской истории», – указывает В.П. Булдаков [77]. В конечном счете, заключает П. Гатрелл, мировая война лишь дала возможность укоренившемуся классовому конфликту проявить себя и трансформироваться в революцию [78].

В начале революции эсеры и меньшевики пренебрежительно называли вспыхнувшее движение «желудочно-стихийным», не подозревая, насколько близко это определение неомальтузианской трактовке революции [79]. Действительно, основным лозунгом рабочих было: «Хлеба!». Но лозунг «Земля и воля!», под которым восстали солдаты, в конечном счете тоже означал «Хлеба!»: ведь земля для крестьянина означала хлеб. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с классическим экосоциальным кризисом, когда, по словам Мальтуса, «революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания».

Заключение. Неумолимые законы мальтузианского цикла действовали помимо воли правителей, министров и политических лидеров, сметая со своего пути тех, кто пытался сопротивляться. Ощувившие это на себе участники событий не понимали тех историков, которые много лет спустя пытались доказать, что революция была случайностью. «Теперь жалкие человеческие существа пытаются мерить своими ничтожными мерками огромную волну, которую могла поднять лишь Божья воля, могучий вихрь судьбы, – писал А.Ф. Керенский. – С самодовольством специалистов они селятся доказать, что все было бы по-другому, если бы то-то и то-то сделать так, а не иначе...» [80].

Судьба Николая II была predetermined глобальными факторами исторического процесса так же, как судьба Людовика XVI и Карла I, и избежать судьбы было невозможно. В этом фатальном развитии событий не было ни правых, ни виноватых, и, чтобы ни говорили пассажиры автомобиля, управляемого «сумасшедшим шофером», никто из них не мог справиться с управлением – дальнейшие события продемонстрировали это с предельной ясностью.

«Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения..., – писал в 1919 году Джон Мэйнард Кейнс, – благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей... Таким образом, необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным..., является... гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая...» [81].

Примечания:

1. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. С. 666, 692; Куликов С.В. «Революции неизменно идут сверху...». Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. Вып. 11. С. 117-185; Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя, 2010. 832 с.

2. Катков Г.М. Февральская революция. М.: Русский путь, 1997. 431 с.

3. Русские Ведомости. № 221. Сентябрь 1915 года.
4. Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1980. P. 284; Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: УГГУ, 2007. С. 17-18; Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 1. М.: Территория будущего, 2010. С. 17-18.
5. Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. М., 1908. С. 93.
6. Turchin P., Nefedov S. A. Secular cycles. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. 349 p.
7. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М. Госполитиздат, 1955. 339 с.
8. Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Hamburg [etc.] : Parey, 1935. 175 p.; Postan M. Revision in Economic History: the fifteenth century //The Economic History Review. 1939. Vol. 9. № 2. P. 160-167.
9. Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVII siecle. Paris : S.E.V.P.E.N., 1960. 653p.; Duby, G. Rural economy and country life in the medieval West. London: Edward Arnold, 1968. 600 p.; Meuvret J. Etudes d'histoire economique. Paris : A. Colin, 1971. 344 p.; Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 1970. 706 p.; Braudel F. Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. 3 vols. A. Colin, 1979.; Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. Vol.1. Paris : S.E.V.P.E.N., 1966. 745 p. .
10. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 1. Структуры повседневности. М.: Прогресс, 1986. С. 42-44.
11. Цит. по: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. М.: Наука, 1990. С. 351.
12. Крижанич Ю. Политика. М.: Новый Свет, 1997. С. 261, 286.
13. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М.: Территория будущего, 2011. С. 26.
14. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М.: Территория будущего, 2011. С. 236, 333.
15. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя, 2010. С. 69-71.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 990. Оп. 1. Д. 55, прилож. 6 (нумерованные листы).
17. РГИА. Ф. 1292. Оп. 4. Д. 656. Л. 9об; Д. 746. Л. 6об-7; Д. 839. Л. 9об-10; Д. 928. Л. 8об-10.
18. Цит. по: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIXв. М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. С. 343.
19. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб.: ЦСК МВД, 1907. С. 102, 103, 105, 125.
20. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. С. 404.
21. Нефедов Г.Ф. Аграрный вопрос и закон народонаселения. Моршанск: Моршан. о-во сел. хоз-ва, 1906. С. 24.
22. Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Вып. 1, Т. 3. Б. м.: Б. и., 1914. С. 19-20.
23. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л.: Мысль, 1925. С. 129-130.
24. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России: Земельные отношения и земельная политика. М.: И.Д. Сытин, 1908. С. 69-80.
25. Лященко П.И. Очерки истории аграрной эволюции России. СПб.: Мин-во финансов, 1908. С. 416.
26. Покровский М.Н. Крестьянская реформа // История России в XIX веке. Т. 3. М.: Изд-во А. и И. Гранат. 1907. С.68-179.
27. Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории. СПб.: И.Н. Скороходов, 1902. С. 68-95.
28. Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб.: М.И. Семенов, 1911. С. 470-472, 518-522.
29. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 32. СПб.: Брокгауз-Ефрон., 1895. С. 723-724.
30. Миронов Б.Н. Наблюдался ли в поздней имперской России мальтузианский кризис:

- доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // История и Математика. О причинах Русской революции. М.: Комкнига, 2009. С. 61.
31. Бунге Н.Х. Записка Н.Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России» // Исторический архив. 1960. № 2. С. 133-134.
32. Ерофеев Н.Д. Уровень жизни населения России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История 2003. № 1. С. 55.
33. Коковцов В.Н. Всеподданнейший доклад В.Н. Коковцова 19 ноября 1904 г. // Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.-Л.: Московский рабочий, 1926. С. 138.
34. Симонова М.С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начала XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М.: Наука, 1971. С. 236-237.
35. Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднестепных губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 вып. СПб.: ЦСК МВД, 1903.
36. Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднестепных губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 вып. СПб.: ЦСК МВД, 1903. Вып. 3. С. 234.
37. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд. соц.-экон. лит., 1960. С. 538.
38. История России. XX – начало XXI века // Ред. Л.В. Милов. М.: Изд. МГУ, 2008. С. 92.
39. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 47, 49, 53.
40. Там же. С. 208.
41. Джунковский Д.Ф. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1997. С. 282-283.
42. Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 121-123.
43. Власть и реформы. От самодержавной к советской России // Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 591.
44. Вавилов Н.И. Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера // Пути сельского хозяйства. 1928. № 7. С. 74-79.
45. Фигуровская Н.К. Н.Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени // Н.К. Фигуровская, В.В. Симонов // Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 34, 36.
46. Данилов В.П. О характере аграрной эволюции России после 1861 года // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда: Б.и. 1992. С. 60.
47. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгорархив, 1996. С. 315.
48. Буховец О.Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 192.
49. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 423.
50. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 437.
51. Дурново П.Н. Записка // Красная новь. 1922. № 6. С. 195-197.
52. Такман Б. Августовские пушки. М.: Прогресс, 1972. С. 127.
53. Буржуазия накануне февральской революции // Сост. Б.Б. Граве. М.-Л.: Госуд. изд., 1927. С. 136-138.
54. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М.: АСТ, 2001. С. 213, 217-220.
55. Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война // Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 168.
56. Цит. по: Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война // Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 168.
57. Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Родник, 2005. С. 605.

58. Цит. по: Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Родник, 2005. С. 401.
59. Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Родник, 2005. С. 217.
60. Каррер д'Анкросс Э. Николай II: расстрелянная преемственность. М.: Олма-пресс, 2006. С. 75.
61. Соколов Б.В. К вопросу о возможности русско-германского сепаратного мира в феврале 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению // Отв. ред. П.В. Волобуев. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 42; Игнатъев А.В. Внешняя политика Временного правительства. М.: Наука, 1974. С. 57.
62. Цит. по: Лебедев В.В. Проблема выхода из войны и кризис самодержавия // 1917 год в судьбах России и мира... С. 53.
63. Соколов Б.В. Указ. соч. С. 42.
64. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М.: Новости, 1990. С. 420.
65. Куликов С.В. Указ. соч.
66. Нефедов С.А. К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // Российская история. 2011. № 1. С. 73-86.
67. Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 477.
68. Речь военного и морского министра председателя Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучкова // Отчет о торжественном заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917. С. 17-18.
69. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2... С. 545, 557, 562.
70. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Терра, 1996. С. 196.
71. См.: Руднева С.Е. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. Междунар. науч. конф. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 206.
72. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 1993. С. 312.
73. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы: Сб. // Сост. В. Третьякова. М.: Советский писатель, 1990. С. 242.
74. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 181.
75. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971. С. 305.
76. Палеолог М. Указ. соч. С. 243.
77. Булдаков В.П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира... С. 208.
78. Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850-1917. New York : St. Martin's Press, 1986. P. 231.
79. Лейберов И.П. Революция и хлеб // И.П. Лейберов, С.Д. Рудаченко. М.: Мысль, 1990. С. 87.
80. Керенский А.Ф. Русская революция. М.: Центрполиграф, 2005. С. 73.
81. Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского договора. М.-Л.: ГИЗ, 1924. С. 104.

References:

1. Mironov B.N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo KhKh veka. M.: Novyi khronograf, 2010. S. 666, 692; Kulikov S.V. «Revolyutsii neizmenno idut sverkhu...». Padenie tsarizma skvoz' prizmu elitistskoi paradigmy // Nestor. 2007. Vyp. 11. S. 117-185; Davydov M.A. Vserossiiskii rynek v kontse XIX – nachale XXh vv. i zheleznodorozhnaya statistika. SPb.: Aleteiya, 2010. 832 s.
2. Katkov G.M. Fevral'skaya revolyutsiya. M.: Russkii put', 1997. 431 s.
3. Russkie Vedomosti. № 221. Sen–tyabr' 1915 goda.
4. Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1980. P. 284; Nefedov S.A. Kontseptsiya demograficheskikh tsiklov. Ekaterinburg: UGGU, 2007. S. 17-18; Nefedov S.A. Istoriya Rossii. Faktorniye analiz. T. 1. M.: Territoriya budushchego, 2010. S. 17-18.
5. Mal'tus T. Opyt zakona o narodonaselenii. M., 1908. S. 93.

6. Turchin P., Nefedov S. A. *Secular cycles*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. 349 p.
7. Rikardo D. *Nachala politicheskoi ekonomii i nalogovogo oblozheniya* // Rikkardo D. *Sochineniya*. T. I. M. Gospolitizdat, 1955. 339 s.
8. Abel W. *Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert*. Hamburg [etc.] : Parey, 1935. 175 r.; Postan M. *Revision in Economic History: the fifteenth century* // *The Economic History Review*. 1939. Vol. 9. № 2. P. 160-167.
9. Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVII siecle*. Paris : S.E.V.P.E.N., 1960. 653p.; Duby, G. *Rural economy and country life in the medieval West*. London: Edward Arnold, 1968. 600 p.; Meuvret J. *Eiudies d'histoire economique*. Paris : A. Colin, 1971. 344 p.; Chaunu P. *La civilisation de l'Europe classique*. Paris: Arthaud, 1970. 706 p.; Braudel F. *Civilisation materille, economie et capitalisme, XVe-XVIIIe siecle*. 3 vols. A. Colin, 1979.; Le Roy Ladurie E. *Les paysans de Languedoc*. Vol.1. Paris : S.E.V.P.E.N., 1966. 745 p. .
10. Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm v XV–XVIII vekakh*. T. 1. *Struktury povsednevnosti*. M.: Progress, 1986. S. 42-44.
11. Tsit. po: *Istoriya krest'yanstva SSSR s drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii*. T. 2. M.: Nauka, 1990. S. 351.
12. Krizhanich Yu. *Politika*. M.: Novyi Svet, 1997. S. 261, 286.
13. Nefedov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz*. T. 2. M.: *Territoriya budushchego*, 2011. S. 26.
14. Nefedov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz*. T. 2. M.: *Territoriya budushchego*, 2011. S. 236, 333.
15. Davydov M.A. *Vserossiiskii rynek v kontse XIX – nachale XXh vv. i zheleznodorozhnaya statistika*. SPb.: Aleteiya, 2010. S. 69-71.
16. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)*. F. 990. Op. 1. D. 55, prilozh. 6 (nenumерованные listy).
17. RGIA. F. 1292. Op. 4. D. 656. L. 9ob; D. 746. L. 6ob-7; D. 839. L. 9ob-10; D. 928. L. 8ob-10.
18. Tsit. po: Koval'chenko I.D. *Russkoe krepostnoe krest'yanstvo v pervoi polovine XIX v.* M.: Izd. Mosk. un-ta, 1967. S. 343.
19. *Statistika zemlevladieniya 1905 g. Svod dannykh po 50 guberniyam Evropeiskoi Rossii*. SPb.: TsSK MVD, 1907. S. 102, 103, 105, 125.
20. Nefedov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz*. T. 2. S. 404.
21. Nefedov G.F. *Agrarnyi vopros i zakon narodonaseleniya*. Morshansk: Morshan. o-vo sel. khoz-va, 1906. S. 24.
22. Oganovskii N. *Zakonomernost' agrarnoi evolyutsii*. Vyp. 1, T. 3. B. m.: B. i., 1914. S. 19-20.
23. Ignatovich I.I. *Pomeshchich'i krest'yane nakanune osvobozhdeniya*. L.: Mysl', 1925. S. 129-130.
24. Kaufman A.A. *Agrarnyi vopros v Rossii: Zemel'nye otnosheniya i zemel'naya politika*. M.: I.D. Sytin, 1908. S. 69-80.
25. Lyashchenko P.I. *Ocherki istorii agrarnoi evolyutsii Rossii*. SPb.: Min-vo finansov, 1908. S. 416.
26. Pokrovskii M.N. *Krest'yanskaya reforma* // *Istoriya Rossii v KhIKh veke*. T. 3. M.: Izd-vo A. i I. Granat. 1907. S.68-179.
27. Rozhkov N.A. *Gorod i derevnya v russkoi istorii*. SPb.: I.N. Skorokhodov, 1902. S. 68-95.
28. Finn-Enotaevskii A. *Sovremennoe khozyaistvo Rossii (1890–1910 gg.)*. SPb.: M.I. Semenov, 1911. S. 470-472, 518-522.
29. Brokgauz F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. T. 32. SPb.: Brokgauz-Efron., 1895. S. 723-724.
30. Mironov B.N. *Nablyudalsya li v pozdneimperskoi Rossii mal'tuzianskii krizis: dokhody i povinnosti rossiiskogo krest'yanstva v 1801–1914 gg.* // *Istoriya i Matematika. O prichinakh Russkoi revolyutsii*. M.: Komkniga, 2009. S. 61.
31. Bunge N.Kh. *Zapiska N.Kh. Bunge Aleksandru II «O finansovom polozhenii Rossii»* // *Istoricheskii arkhiv*. 1960. № 2. S. 133-134.
32. Erofeev N.D. *Uroven' zhizni naseleniya Rossii v kontse XIX – nachale KhKh v.* // *Vestnik Moskovskogo un-ta*. Ser. 8. *Istoriya* 2003. № 1. S. 55.
33. Kokovtsov V.N. *Vsepoddanneishii doklad V.N. Kokovtsova 19 noyabrya 1904 g.* // *Russkie finansy i evropeiskaya birzha v 1904–1906 gg.* M.-L.: Moskovskii rabochii, 1926. S. 138.

34. Simonova M.S. Problema «oskudeniya» Tsentra i ee rol' v formirovani agrarnoi politiki samoderzhaviya v 90-kh godakh XIX – nachala KhKh v. // Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii. M.: Nauka, 1971. S. 236-237.
35. Materialy Vysochaishe utverzhdennoi 16 noyabrya 1901 goda Komissii po issledovaniyu voprosa o dvizhenii s 1861 g. po 1900 g. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya srednezemledel'cheskikh gubernii sravnitel'no s drugimi mestnostyami Evropeiskoi Rossii. V 3 vyp. SPb.: TsSK MVD, 1903.
36. Materialy Vysochaishe utverzhdennoi 16 noyabrya 1901 goda Komissii po issledovaniyu voprosa o dvizhenii s 1861 g. po 1900 g. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya srednezemledel'cheskikh gubernii sravnitel'no s drugimi mestnostyami Evropeiskoi Rossii. V 3 vyp. SPb.: TsSK MVD, 1903. Vyp. 3. S. 234.
37. Vitte S.Yu. Vospominaniya. T. 2. M.: Izd. sots.-ekon. lit., 1960. S. 538.
38. Istoriya Rossii. KhKh – nachalo XXI veka // Red. L.V. Milov. M.: Izd. MGU, 2008. S. 92.
39. Stolypin P.A. Nam nuzhna velikaya Rossiya. Polnoe sobranie rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911. M.: Molodaya gvardiya, 1991. S. 47, 49, 53.
40. Tam zhe. S. 208.
41. Dzhunkovskii D.F. Vospominaniya. T. 2. M.: Izd. im. Sabashnikovykh, 1997. S. 282-283.
42. Uortman R. Nikolai II i obraz samoderzhaviya // Istoriya SSSR. 1991. № 2. S. 121-123.
43. Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoj Rossii // Otv. red. B.V. Anan'ich. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1996. S. 591.
44. Vavilov N.I. Problema urozhainosti v SSSR pod uglom zreniya rastenievoda-seleksionera // Puti sel'skogo khozyaistva. 1928. № 7. S. 74-79.
45. Figurovskaya N.K. N.D. Kondrat'ev i rossiiskaya ekonomika chrezvychainogo vremeni // N.K. Figurovskaya, V.V. Simonov // Kondrat'ev N.D. Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremya voiny i revolyutsii. M.: Nauka, 1991. S. 34, 36.
46. Danilov V.P. O kharaktere agrarnoi evolyutsii Rossii posle 1861 goda // Krest'yanskoe khozyaistvo: istoriya i sovremennost'. Ch. 1. Vologda: B.i. 1992. S. 60.
47. Bukhovets O.G. Sotsial'nye konflikty i krest'yanskaya mental'nost' v Rossiiskoi imperii nachala KhKh veka: novye materialy, metody, rezultaty. M.: Mosgorarkhiv, 1996. S. 315.
48. Bukhovets O.G. Mental'nost' i sotsial'noe povedenie krest'yan // Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). M., 1996. S. 192.
49. Khobsbaum E. Vek Imperii. 1875–1914. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. S. 423.
50. Khobsbaum E. Vek Imperii. 1875–1914. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. S. 437.
51. Durnovo P.N. Zapiska // Krasnaya nov'. 1922. № 6. S. 195-197.
52. Takman B. Avgustovskie pushki. M.: Progress, 1972. S. 127.
53. Burzhuaziya nakanune fevral'skoi revolyutsii // Sost. B.B. Grave. M-L.: Gosud. izd., 1927. S. 136-138.
54. B'yukenen Dzh. Memuary diplomata: Vospominaniya, memuary. M.: AST, 2001. S. 213, 217-220.
55. Izmozik V.S. K voprosu o politicheskikh nastroeniyakh rossiiskogo obshchestva v kanun 1917 g. (po materialam perlyustratsii) // Rossiya i Pervaya mirovaya voina // Otv. red. N.N. Smirnov. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999. S. 168.
56. Tsit. po: tam zhe.
57. Platonov O.A. Nikolai Vtoroi v sekretnoi perepiske. M.: Rodnik, 2005. S. 605.
58. Tsit. po: Platonov O.A. Nikolai Vtoroi v sekretnoi perepiske. M.: Rodnik, 2005. S. 401.
59. Platonov O.A. Nikolai Vtoroi v sekretnoi perepiske. M.: Rodnik, 2005. S. 217.
60. Karrer d'Ankross E. Nikolai II: rasstrelyannaya preemstvennost'. M.: Olma-press, 2006. S. 75.
61. Sokolov B.V. K voprosu o vozmozhnosti russko-germanskogo separatnogo mira v fevrale 1917 g. // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu // Otv. red. P.V. Volobuev. M.: In-t rossiiskoi istorii RAN, 1997. S. 42; Ignat'ev A.V. Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva. M.: Nauka, 1974. S. 57.
62. Tsit. po: Lebedev V.V. Problema vykhoda iz voiny i krizis samoderzhaviya // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira... S. 53.
63. Sokolov B.V. Ukaz. soch. S. 42.
64. Shul'gin V.V. Gody. Dni. 1920. M.: Novosti, 1990. S. 420.
65. Kulikov S.V. Ukaz. soch.

66. Nefedov S.A. K diskussii ob urovne potrebleniya v poreformennoi i predrevolyutsionnoi Rossii // Rossiiskaya istoriya. 2011. № 1. S. 73-86.
67. Spiridovich A.I. Velikaya voina i fevral'skaya revolyutsiya. Minsk: Kharvest, 2004. S. 477.
68. Rech' voennogo i morskogo ministra predsedatelya Tsentral'nogo voenno-promyshlennogo komiteta A.I. Guchkova // Otchet o torzhestvennom zasedanii Tsentral'nogo voenno-promyshlennogo komiteta 8 marta 1917 g. v Aleksandrovskom zale Petrogradskoi gorodskoi dumy. Pg., 1917. S. 17-18.
69. Nefedov S.A. Istoriya Rossii. Faktornyi analiz. T. 2... S. 545, 557, 562.
70. Paleolog M. Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii. M.: Terra, 1996. S. 196.
71. Sm.: Rudneva S.E. 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. Mezhdunar. nauch. konf. // Otechestvennaya istoriya. 1998. № 1. S. 206.
72. Paips R. Russkaya revolyutsiya. Ch. 1. M.: ROSSPEN, 1993. S. 312.
73. Otrechenie Nikolaya II. Vospominaniya ochevidtsev, dokumenty: Sb. // Sost. V. Tret'yakova. M.: Sovetskii pisatel', 1990. S. 242.
74. Startsev V.I. Russkaya burzhuaziya i samoderzhavie v 1905–1917 gg. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977. S. 181.
75. Burdzhakov E.N. Vtoraya russkaya revolyutsiya. Moskva. Front. Periferiya. M.: Nauka, 1971. S. 305.
76. Paleolog M. Ukaz. soch. S. 243.
77. Buldakov V.P. Istoki i posledstviya soldatskogo bunta: k voprosu o psikhologii «cheloveka s ruzh'em» // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira... S. 208.
78. Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850-1917. New York : St. Martin's Press, 1986. P. 231.
79. Leiberov I.P. Revolyutsiya i khleb // I.P. Leiberov, S.D. Rudachenko. M.: Mysl', 1990. S. 87.
80. Kerenskii A.F. Russkaya revolyutsiya. M.: Tsentrpoligraf, 2005. S. 73.
81. Keins Dzh. Ekonomicheskie posledstviya Versal'skogo dogovora. M.-L.: GIZ, 1924. S. 104.

УДК 93/94

Реабилитация Николая II

Сергей Александрович Нефедов

Уральский федеральный университет, Россия
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: hist1@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу причин февральской революции 1917 года. Рассматриваются две интерпретации революционных событий. Одна из них представляет революцию как результат заговоров оппозиции и некомпетентности правительства Николая II, не сумевшего адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию. Другая интерпретация предполагает рассмотрение революции в рамках неомальтузианской концепции, в соответствии с которой кризис был вызван долгосрочными экономическими процессами, не зависевшими от воли людей.

Ключевые слова: Николай II; Русская революция; революция 1917 года; февральская революция; революция 1905 года; уровень потребления; демографический рост; неомальтузианство; крестьянское малоземелье; антропометрические данные; крестьянские восстания.